

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования**

**«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА

КУРСОВАЯ РАБОТА

**НА ТЕМУ: «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОГЛАСИЯ
ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЕГО ЗДОРОВЬЮ.
ДИСКУССИОННЫЕ ВЗГЛЯДЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ»**

НОВИНЬКОВА АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА

студента 3 курса, 1 группы

очно-заочной формы обучения
Института публичного права и управления

Научный руководитель:
к.ю.н., ст.преп. Мелешко Д.А.

**Москва
2020**

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение.....	3
Глава 1. Причинение вреда здоровью и согласие потерпевшего: теоретические аспекты	9
Глава 2. Влияние согласия потерпевшего в практике квалификации преступлений против здоровья.....	29
Заключение	37
Список использованных источников	39

Введение

«Volenti non fit injuria» - обида не может быть нанесена желающему ее.

Этот принцип деликтного права точно сформулировал древнеримский юрист Домиций Ульпиан почти 2 тысячи лет назад, и до сих пор он имеет значение в странах общего права при ограничении гражданско-правовой ответственности причинителя вреда. Не оставляет его без внимания и наука уголовного права, особенно в России, где вопрос ответственности за преступления с заведомым согласием потерпевшего до сих пор не решен однозначно в законодательстве.

Закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее - УК РФ) общие обстоятельства, исключающие преступность деяния, такие как крайняя необходимость и обоснованный риск находятся в сложной взаимосвязи с «тяжелыми жизненными обстоятельствами» и «состраданием к потерпевшему» как обстоятельствами, смягчающими наказание (п. «д» ч. 1 ст. 61) и специальными основаниями признания вреда правомерным, к которым авторы небезосновательно относят примечание к статье 122 УК РФ (добровольное поставление себя в опасность заражения ВИЧ-инфекцией)². Вопрос соотношения этих институтов уголовного права с согласием потерпевшего находит различное толкование и рождает предложения по изменению уголовного закона.

Помимо правовых норм, однозначно трактующих поведение лица как противоправное, а в уголовном праве – как преступное, в вопросе согласия потерпевшего на причинение вреда имеют большой вес моральные устои общества, которые со временем могут изменяться и требовать соответствующих изменений от позитивного права, часто – в сторону

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

² См.: Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 22

смягчения уголовной ответственности за причинение вреда с согласием потерпевшего. Так, в конце 2019 года Министр здравоохранения РФ Вероника Скворцова в интервью «Комсомольской правде» отмечала, что вопрос о будущем эвтаназии в России остается открытым, и его следует решать органам власти с учетом мнения народа³.

При этом избранная тема редко рассматривается в базовом курсе уголовного права, по ней отсутствует единая устойчивая позиция, которой придерживалось бы большинство исследователей. Такая ситуация, сложившаяся в общественном сознании и в уголовном праве, как его законодательном отражении «о преступном», свидетельствует о существенной *актуальности исследования*.

О спорной правовой природе согласия потерпевшего говорили еще дореволюционные юристы: Н.С. Таганцев, С.В. Познышев, Л.С. Белогриц-Котляревский. В литературе советского времени следует выделить монографию А.Н. Красикова «Сущность и значение согласия потерпевшего в уголовном праве» (1976), которая до принятия современного УК РФ оставалась единственным большим трудом, посвященным исследуемому вопросу. Однако в последние 10-15 лет авторы посвящали свои работы проблеме согласия потерпевшего (Е.К. Газданова), в том числе и в преступлениях против здоровья (М.В. Панов). Не оставлены без внимания и вопросы правовой природы эвтаназии (О.С. Капинус, Ю.А. Чернышева, М.М. Антоненко), которая тоже связана с особой формой согласия потерпевшего, но уже на лишение жизни. Сравнительное уголовное право показывает жизнеспособность согласия потерпевшего как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния в законодательстве Германии (Н.А. Ленчина)⁴. Отдельные позиции этих и других авторов будут рассматриваться для формирования собственного видения рассматриваемой проблемы.

---

³ См.: Вероника Скворцова рассказала, когда в России разрешат эвтаназию // Комсомольская правда, 28.10.2019. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3653774/> (дата обращения: 27.04.2020)

⁴ См.: Ленчина Н.А. Обстоятельства, устраняющие противоправность деяния, в немецком уголовном праве: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2010

Целью настоящей курсовой работы является исследование вопроса о значении согласия потерпевшего на причинение вреда его здоровью и влиянии такого согласия на уголовно-правовую квалификацию преступлений, совершаемых с таким согласием.

Задачи настоящей курсовой работы:

1. На основе современных научных позиций сформировать понятие согласия потерпевшего, исследовать место института согласия потерпевшего в уголовном законодательстве, определить его характер взаимодействия с другими уголовно-правовыми институтами.

2. Определить влияние согласия потерпевшего на квалификацию преступлений против здоровья в российском праве, выделить и исследовать существующие в науке предложения по изменению уголовного законодательства для преступлений против здоровья, совершенных с согласия потерпевшего.

3. Исследовать позиции современных авторов на ситуации практического применения института согласия потерпевшего в уголовно-правовой квалификации причинения вреда здоровью.

Структура работы состоит из двух глав без внутреннего деления.

Поскольку рассматриваемая тема является дискуссионной в науке, автором формулируются следующие *положения, выносимые на защиту:*

1. Предлагаемая исследователями потенциальная декриминализация преступлений, совершаемых с согласия потерпевшего, путем внесения соответствующего обстоятельства в главу 8 УК РФ как исключаящего преступность деяния, является необоснованной, поскольку само по себе наличие согласия потерпевшего не порождает достаточного основания признавать любое преступление с таким согласием, не имеющим общественной опасности. На основе анализа преступлений против здоровья главы 16 УК РФ сделан вывод о необходимости принудительной (не зависящей от мнения потерпевшего) уголовно-правовой охраны особо важных благ, к которым, в том числе, относятся жизнь и здоровье.

2. Современное состояние уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет удостовериться, что частно-правовые интересы потерпевшего в преступлениях против его здоровья не остаются без внимания законодателя и находятся под достаточной защитой, а уголовное законодательство не требует изменений. Влияние потерпевшего прослеживается в уголовно-правовом институте освобождения лица от уголовной ответственности. Уголовно-процессуальный институт видов уголовного преследования напрямую связан с волеизъявлением потерпевшего, является его главным воплощением в действующем законодательстве.

3. Понятие «уголовно-правового предела распоряжения собственным здоровьем» позволяет определить границы, при пересечении которых согласие потерпевшего на причинение вреда его здоровью перестает иметь значение. Поддержано мнение авторов, указывающих, что такой предел косвенно предусмотрен законодателем путем введения частного и частно-публичного уголовного преследования (С.В. Расторопов⁵, Э.Л. Сидоренко⁶), поскольку привлечение виновного к ответственности в этом случае напрямую зависит от выбора потерпевшего.

4. Примечание к статье 122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией) является примером успешного «адресного» использования института согласия потерпевшего в преступлениях против здоровья. Тем не менее, определенно следует признавать такое согласие обстоятельством, исключающим преступность деяния (Е.К. Газданова⁷), вместо предусмотренного законом освобождения от уголовной ответственности. Предложения авторов о необходимости появления схожей нормы для составов статьи

---

⁵ См.: Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91).

⁶ См.: Сидоренко Э.Л. Презумпция согласия потерпевшего в уголовном праве // Юридическая техника. 2010. №4.

⁷ См.: Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дис. канд. юр наук. – М.: 2011.

121 УК РФ о заражении венерической болезнью (М.В. Панов⁸) обоснованно не поддержаны действующим законом ввиду разной конструкции составов преступлений по объективной стороне – заражение ВИЧ-инфекцией, в отличие от заражения венерической болезнью, включает в себя еще и состав реальной опасности (ч. 1 ст. 122 УК), для защиты от которого предусмотрено специальное основание признания деяния правомерным (заведомое согласие потерпевшего). При этом такую точку зрения следовало бы поддержать, если, по примеру статьи 122 УК РФ, поставление в опасность заражения венерической болезнью признавалось бы преступным.

5. В отношении преступлений против здоровья, не отнесенных к делам частного, частно-публичного обвинения, или к которым не использован такой же «адресный подход», законодателем справедливо не учитывается согласие потерпевшего при их квалификации ввиду их высокого уровня общественной опасности.

6. Согласие потерпевшего имеет схожую правовую природу и находится в тесной взаимосвязи с отказом потерпевшего от участия в уголовно-правовом преследовании виновного лица. Такой отказ может осуществляться через «частные виды» уголовного преследования или через примирение с виновным (ст. 76 УК РФ). Согласие на причинение вреда и отказ потерпевшего от уголовного преследования соотносятся друг с другом как два разных вида в составе единого комплекса действий (волеизъявлений) потерпевшего, влекущих непривлечение или освобождение виновного от уголовной ответственности.

7. К рассматриваемой теме согласия потерпевшего на причинение вреда не имеют отношение наличие согласия потерпевшего (ст. 123, 134 УК РФ) или его отсутствие (ст. 137, 147, ч. 2 ст. 183 УК РФ), рассматриваемые уголовным законом как конструктивный признак определенного состава преступления. Согласие потерпевшего (или его отсутствие) в этом случае

---

⁸ См.: Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 12

вытекает из правовой природы преступления (например, в разграничении статей 131 и 134 УК) или прямо указано в статье Особенной части при определении состава преступления (например, ст. 147 УК). Вопрос о влиянии таких обстоятельств на квалификацию преступлений не является спорным.

8. Теоретические ситуации, которые авторы обычно приводят в обоснование законодательного закрепления института согласия при причинении вреда здоровью, должны рассматриваться с позиции применения крайней необходимости или обоснованного риска. Невозможность их применения является показателем слишком высокой общественной опасности преступления.

Объектом исследования настоящей курсовой работы являются общественные отношения, складывающиеся в процессе совершения лицом преступления против здоровья с согласия потерпевшего и последующего привлечения его к уголовной ответственности.

Предметом исследования являются нормы уголовного, уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и нормы уголовного законодательства зарубежных стран.

Глава 1. Причинение вреда здоровью и согласие потерпевшего: теоретические аспекты

Действующий уголовный закон дает широкий простор для обсуждения таких институтов, как согласие потерпевшего на причинение вреда его здоровью. В отличие от понятий, которые из науки уголовного права со временем получили законодательное закрепление, попытки включить наличие согласия потерпевшего в перечень обстоятельств, однозначно исключающих преступность деяния, освобождающих от уголовной ответственности или смягчающих наказание, не находят отклика в законе. Попробуем разобраться, есть ли основания к внесению в будущем таких изменений в законодательство.

Э.Л. Сидоренко, исследуя природу частных начал в уголовном праве, называет согласие потерпевшего одним из трех «средств диспозитивности», которые обеспечивают реализацию частного интереса в уголовном праве, наряду с институтом примирения с потерпевшим и делами частного обвинения⁹. Однако в этой классификации не прослеживается тонкая грань, которая отделяет согласие потерпевшего от всех других названных средств – согласие потерпевшего, в отличие от остального, представляет собой акт поведения лица до совершения преступления. Конечно, не будет оспорено, что у потерпевшего должен быть широкий арсенал приемов воздействия на уголовное преследование, поскольку именно он претерпел негативные последствия от совершения преступления.

Тем не менее, основное влияние потерпевшего на привлечение виновного к ответственности законодатель справедливо относит ко времени, когда преступление уже совершено. Все основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные главой 11 УК РФ, требуют «возместить ущерб, причиненный преступлением или иным образом загладить вред» (ст. 75-76² УК). Исключением является освобождение от уголовной ответственности в

---

⁹ См.: Сидоренко Э.Л. Частные начала в уголовном праве / Э.Л. Сидоренко, М.А. Карабут. – М: Юридический центр Пресс, 2007, с. 19

связи с истечением сроков давности (ст. 78), но лишь потому, что отношения виновного с потерпевшим там не имеют значения в силу правовой природы этого основания. Может возникнуть резонный вопрос – если автор утверждает, что большинство действий потерпевшего, которые должны иметь влияние на ход уголовного процесса, относятся ко времени после совершения преступления, тогда какую роль играет его противоправное и (или) аморальное поведение, которое УК РФ определяет как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «з» ч. 1 ст. 61) или как повод к совершению аффектированного преступления (ст. 107, 113 УК РФ)? Ведь они тоже возникали до момента совершения преступления. Все же, здесь эти обстоятельства имеют связь не с самим потерпевшим (как, например, его заведомое согласие), а с формированием субъективной стороны (мотива) у виновного лица. Частные интересы потерпевшего здесь ни при чем, закон лишь указывает на определенную причину (мотив), по которой считает формирование умысла на совершение убийства (ст. 107) или умышленное причинение вреда здоровью (ст. 113) менее общественно опасным, и формирует соответствующий привилегированный состав или включает такой мотив в обстоятельства, смягчающие наказание.

Господство частно-правовых начал в уголовном праве хорошо исторически прослеживается в менее развитых рабовладельческих и феодальных обществах в *уголовном судопроизводстве обвинительного типа*. Потерпевший был свободен в предъявлении «обиды» на рассмотрение суда, он сам предъявлял доказательства, разыскивал обвиняемого, и он же был вправе прекратить уголовное преследование. Развитие правового сознания общества привело к пониманию, что преступление может прямо не причинять вреда потерпевшему, но установленный *общественный порядок* непременно будет терпеть ущерб. Справедливо отмечал итальянский философ и правовед Чезаре Беккариа: «Истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу. Это одна из тех очевидных истин, для открытия которых не

требуется ни квадрантов, ни телескопов и которые доступны любому среднему уму»¹⁰.

Чтобы понять, как соотносятся вред потерпевшему и вред обществу в преступлениях против здоровья, следует порассуждать об объекте, на который они посягают и вреде, который ему причиняют. Получается, вопрос о значении согласия потерпевшего неразрывно связан с таким признаком преступления, как *общественная опасность*. А.А. Пионтковский указывал, что она возникает вследствие того, что «непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения такого ущерба»¹¹. Схожую трактовку предлагает и Ю.Е. Пудовочкин: «Общественная опасность деяния проявляется в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям»¹². Но что само по себе есть общественные отношения и могут ли они терпеть вред? Для некоторых преступлений, оказывающих влияние в первую очередь на общественный порядок – несомненно. Однако вряд ли можно признать справедливым такое определение объекта в преступлениях с первостепенным значением частного интереса потерпевшего.

Относительно преступлений против здоровья, можем ли мы сказать, что определенное состояние здоровья человека, которым он обладает до момента преступного посягательства, является его благом – *видовым объектом* для совокупности таких преступлений? Считаю, что да, ведь именно о состоянии своего здоровья будет думать любой потерпевший во время причинения ему вреда, и как результат совершения преступления – здоровью будет причинен

---

¹⁰ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва.: 1939, с.29

¹¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. Москва.: Юридическая литература, 1961. с.157

¹² Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. – Москва.: Юрлитинформ, 2008, с.24

вред, и в дальнейшем этот вред будет оценен по установленным критериям¹³ для квалификации деяния.

З.Б. Соктоев справедливо отмечает, что ключевым в рассматриваемой проблеме согласия потерпевшего является вопрос «когда человек вправе самостоятельно распоряжаться своими благами, относящимся к абсолютным ценностям, охраняемым уголовным законом – жизни и здоровью?»¹⁴. В продолжение рассуждения над этим вопросом, он формирует мнение, что вполне возможно включение согласия потерпевшего как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния (в главу 8 УК РФ)¹⁵. То есть, рассуждая о роли согласия, фактически не устанавливает ограничений по распоряжению своим здоровьем для потерпевшего, тем не менее, признавая, что такое причинение вреда должно иметь *социально-полезную цель*¹⁶. О влиянии признака социальной полезности уместно будет упомянуть чуть дальше, при рассмотрении соотношения причинения вреда здоровью при согласии потерпевшего с крайней необходимостью и обоснованным риском. Вспоминая выражение Ч. Беккариа о вреде любого преступления обществу, позволю себе не согласиться с таким взглядом на полную свободу распоряжения своим здоровьем. Здоровье, как неотъемлемое благо, принадлежит его владельцу, но одновременно является для него, как и для каждого из нас, настолько важным, что фактически определяет качество всей нашей жизни, а, следовательно, требует намного более основательного уровня уголовно-правовой охраны. Преступления против здоровья, лишь для нескольких из которых закон сейчас ограниченно принимает во внимание мнение потерпевшего, причиняют потерпевшему непоправимый вред –

---

¹³ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 18.01.2012) // СПС «КонсультантПлюс»

¹⁴ Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №12 (52), с. 123

¹⁵ Там же, с. 128

¹⁶ Там же, с. 126

перманентное ухудшение уровня жизни или, по крайней мере, создают необходимость в длительной реабилитации.

Для целей понимания того, где должны устанавливаться границы, отделяющие преступления «на усмотрение потерпевшего» от остальных преступлений против здоровья, С.В.Расторопов обоснованно отсылает к такому понятию, как *предел, в котором лицо вправе дать согласие на причинение вреда своему здоровью*¹⁷. Исходя из этого, считаю возможным использовать такое понятие, как *уголовно-правовой предел распоряжения собственным здоровьем*, понимая под его *превышением* такой вред здоровью, который в силу тяжести своих негативных последствий для здоровья потерпевшего выбывает из частного права на распоряжение у потерпевшего и признается преступным вне зависимости от его согласия.

Несправедливо было бы признать, что такие понятия о пределе распоряжения потерпевшим своим благом чужды для действующего законодательства, ведь именно этот принцип лежит в процессуальном делении уголовного преследования на частное, частно-публичное, и публичное. В соответствии с ч. 1 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁸ (далее – УПК РФ), такое деление производится в зависимости, в том числе, от *характера совершенного преступления*. Обратим внимание на перечень преступлений, отнесенных УПК РФ к частному и частно-публичному обвинению и попытаемся определить, чем руководствовался законодатель при установлении такого специального режима для них.

К делам частного обвинения, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, относятся: 1) нанесение легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 115 УК РФ); 2) нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116¹ УК РФ), но без опасных мотивов, предусмотренных статьей 116 УК РФ; 3) клевета без квалифицирующих

---

¹⁷ См.: Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91), с. 84

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

признаков (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ). Справедливо признаем – их объединяет сравнительно низкий уровень общественной опасности, поэтому закон признает за потерпевшим право не только своими действиями возбуждать такие дела и выступать в качестве частного обвинителя, но также и прекращать их в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Дела частного-публичного обвинения гораздо интереснее, ведь в них, на мой взгляд, в полной мере реализуется соотношение установленных видов уголовного преследования с рассматриваемым вопросом *согласия потерпевшего на причинение ему вреда* – единственным отличием этого порядка от публичного, является обязательное выражение воли потерпевшего на возбуждение дела. Совершенно логично туда включены насильственные преступления против половой неприкосновенности (ст. 131, 132 УК РФ) – никто кроме потерпевшей (потерпевшего) не имеет ни морального, ни юридического права признавать совершенный половой акт незаконным (за исключением преступлений, совершаемых против потерпевших, не достигших 16 лет, а также находящихся в беспомощном состоянии). Предел «свободы распоряжения» своей половой жизнью у лиц старше 16 лет не должен быть ограничен, а вот общественная опасность таких преступлений действительно велика – это и рождает их справедливое включение в частно-публичное обвинение. Здесь стоит согласиться с Е.К. Газдановой, подчеркивающей, что в отличие от преступлений против жизни и здоровья, «согласие потерпевшего может исключать преступность деяния при распоряжении такими благами, как физическая и половая свобода»¹⁹. Касательно преступлений против здоровья, кроме дел частного обвинения, закон относит лишь побои и иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершенные из хулиганских и иных низменных мотивов (ст. 116 УК РФ) к преступлениям, по которым согласие потерпевшего имеет для практики какое-либо значение. Оно

---

¹⁹ Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 11

остается единственным из главы 16 УК РФ (преступления против жизни и здоровья), которое расследуется в порядке частно-публичного обвинения.

Возвращаясь к вопросу о соотношении вреда потерпевшему и вреда обществу в преступлениях против здоровья, отметим, как закон поистине показательно трактует разное отношение к двум схожим составам преступлений в статьях 116 и 116¹ УК РФ. Для потерпевшего, побои, предусмотренные обеими статьями, влекут одинаковые общественно-опасные последствия – причинение физической боли. Однако, при наличии низменных целей (ст. 116), уголовный закон признает такое деяние более опасным, включает в статью возможное наказание в виде лишения свободы, и, что самое главное, – ограничивает *предел распоряжения потерпевшего*, расследуя такое преступление уже в частно-публичном, а не в частном порядке. На этом примере четко видна градация общественной опасности преступлений против здоровья у законодателя. И через оценку степени общественной опасности (ее количественной характеристики), он справедливо выносит особо опасные преступления против здоровья, например, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (ст. 111, 112 УК РФ) из-под какого-либо влияния *согласия потерпевшего*.

Однако, возвращаясь к началу этой главы, следует вспомнить о ключевом отличии согласия потерпевшего от остальных двух «средств диспозитивности», выделенных Э.Л. Сидоренко (примирение с виновным и особые виды уголовного преследования) – согласие дается до совершения преступления. Чтобы понять, имеет ли это значение на практике, надо определиться, как следует понимать само *согласие потерпевшего* и в какой связи оно находится с другими возможными действиями потерпевшего. В целом, исследователи сходятся во мнении, что согласие - это определенное *волеизъявление* (М.В. Панов²⁰, Е.К. Газданова²¹, С.В. Расторопов²²), выражаемое потерпевшим

---

²⁰ Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 22

²¹ Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 10

на причинение ему вреда в определенных пределах, при этом М.В. Панов указывает на то, что такое согласие дается *до начала преступных действий*²³. Не споря об обязательности признака *своевременности*²⁴ согласия (дачи согласия до преступного посягательства), следует признать, что остается неразрешенным вопрос – если посмотреть на преступление глазами потерпевшего, в интересах которого правоведы спорят о природе его согласия, в чем существенная разница между согласием, даваемым до совершения преступления и иными указанными «средствами диспозитивности», к которым обращается потерпевший уже после совершения преступления?

Отвечая на этот вопрос, выскажем предположение, что согласие потерпевшего входит в более обширную совокупность норм, которую условно можно назвать *действиями (волеизъявлениями) потерпевших, влекущими непривлечение виновного лица к уголовной ответственности или освобождение его от уголовной ответственности*. На мой взгляд, нет никакого принципиального отличия между последствиями, которые за собой несут заведомое согласие потерпевшего или его односторонний отказ от участия в уголовном преследовании после совершения преступления. Они являются двумя *видами* волеизъявлений потерпевшего, которые влекут непривлечение или освобождение виновного от уголовной ответственности. Основанием их разграничения, конечно, будет *время их осуществления относительно совершенного преступления*. При этом, безусловно, в обоих случаях совершено деяние, содержащее все признаки состава преступления (присутствует основание уголовной ответственности, в соответствии с ст. 8 УК РФ), оно не совершено при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, прямо поименованных в главе 8 УК РФ, и не является малозначительным (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

---

²² Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91), с. 83

²³ См.: Панов М.В. Указ соч., с. 22

²⁴ См.: Расторопов С.В. Указ соч., с. 84

После совершения преступления потерпевший может выражать свой односторонний отказ от привлечения виновного к ответственности в двух формах:

1) Соккрытие факта совершения преступления (в том числе и случаи, когда не поступает заявление о преступлении по делам частного-публичного обвинения, не возбуждаются потерпевшим самостоятельно дела частного обвинения);

2) Примирение (ст. 76 УК РФ).

Такой односторонний отказ потерпевшего от участия в уголовно-правовых отношениях по привлечению виновного лица к ответственности, кроме времени формирования такого отказа, со стороны потерпевшего будет иметь другую правовую природу, но ровно те же свойства, что и заведомое согласие. Потерпевший своими действиями указывает, что совершенное преступление не требует вмешательства государства, а государство признает, что преступление не несет в себе достаточной степени общественной опасности, чтобы вмешиваться в дела частных субъектов с целью поддержания общественного порядка, охраняемого уголовным законом.

С.В. Анощенкова, на первый взгляд, выражает несогласие с таким мнением: «В.И. Михайлов в качестве частного случая согласия потерпевшего на причинение вреда, указывает на примечание 2 к статье 201 УК РФ [в настоящее время утратило силу – прим.авт]. Однако возникает вопрос: какое отношение имеет этот порядок к согласию потерпевшего на причинение ему вреда? Думается, весьма опосредованное. Не имеют отношение к согласию потерпевшего институты частного обвинения и примирение с потерпевшим. Мы настаиваем на том, что согласие на причинение вреда должно быть дано до совершения вредопричиняющих действий (бездействия)»²⁵. Однако здесь следует опасаться случайной подмены понятий. С.В. Анощенкова справедливо подчеркивает именно разный характер таких «средств диспозитивности», как

---

²⁵ Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем – Москва.: Издательство Волтерс Клувер, 2006, с. 120

заведомое согласие потерпевшего и примирение. Автором в настоящей работе это не оспаривается, а более того, подчеркивается их соотношение как двух разных *видов* волеизъявления потерпевшего, влияющих на освобождение виновного от ответственности (ввиду признания деяния непроступным или непосредственно освобождения от уголовной ответственности).

Тем не менее, рассматривая перспективу закрепления института согласия потерпевшего в законодательстве, мы непременно задаемся вопросом – недостаточно ли частные интересы потерпевшего уже защищаются уголовным законом? Именно в зависимости от того, какой ответ на этот вопрос дают исследователи, они в дальнейшем приходят к выводу о необходимости дополнительного учета согласия потерпевшего в уголовно-правовой квалификации деяния или, как автор настоящей работы, отрицают такую необходимость. Между тем институты частного обвинения и уголовно-правового примирения являются инструментами, которые направлены на решение тех же задач, что и согласие потерпевшего, и рассмотрение лишь института согласия в отрыве от них не позволяет трезво оценить уровень защищенности уголовно-правовых интересов потерпевшего, а особенно – в преступлениях против здоровья. Следует обратить внимание, что дела, относимые УПК РФ к порядку частного обвинения, состоят из деяний, причиняющих не более, чем легкий вред здоровью. Справедливо отметить, что и в делах о «простой клевете» (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ) потерпевший сам имеет право разобратся, когда призывать на помощь средства уголовно-правовой защиты, а когда в них уже отпадает необходимость. Следуя логике, что *предел распоряжения своим здоровьем* у потерпевшего не должен быть ограничен, почему законодатель тогда не включает все преступления против здоровья в дела частного или, по крайней мере, частно-публичного порядка, предоставив потерпевшему право одностороннего отказа от уголовного преследования? Более того, на примере двух схожих составов о побоях (116, 116¹ УК РФ) устанавливает четкое разграничение, где кончается распоряжение потерпевшего правом на прекращение уголовного дела. Вероятно, это

свидетельствует о здоровой оценке законодателем степени общественной опасности каждого преступления против здоровья по отдельности и формировании мнения, что большинство из них нельзя ставить в зависимость от волеизъявлений потерпевших.

Однако, есть ли в действующем законодательстве нормы, прямо предусматривающие такое действие потерпевшего, как дача им согласия на причинение вреда своему здоровью, чтобы такое согласие имело прямое значение на дальнейшее признание деяния непроступным? Пунктом 46 статьи 1 Федерального закона от 08.12.2003 №162-ФЗ²⁶ в статью 122 УК РФ было введено Примечание, согласно которому, лицо освобождается от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией или поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, если потерпевший был своевременно предупрежден о наличии болезни и добровольно согласился совершить действия, создавшие опасность заражения.

Следует отметить, что в поставленном вопросе не случайно употреблено понятие «непроступное деяние», связанное с отсутствием в деянии состава преступления. В соответствии с пунктом 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. (в ред. от 29.11.2016) №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», освобождение лица от уголовной ответственности, в том числе в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление.²⁷ Не осталась эта спорная позиция в

---

²⁶ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

²⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 г. Москва «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»

отношении согласия потерпевшего без внимания Е.К. Газдановой, которая примечание к статье 122 УК РФ считает необходимым рассматривать как *специальный вид обстоятельства, исключающего преступность деяния*²⁸. Схожего мнения, что согласие потерпевшего в случаях, прямо предусмотренных законом, должно являться обстоятельством, исключающим преступность деяния, придерживались А.Н. Красиков²⁹ и П.С. Дагель³⁰. По их мнению, лицо, понесшее вред в ситуации наличия его заведомого согласия, вообще не может признаваться потерпевшим в уголовно-правовом смысле. Полностью соглашусь с такой позицией – при наличии согласия потерпевшего в этой ситуации речь явно идет об отсутствии состава преступления как такового. При этом отмечу, что таким образом и законодатель выразил неготовность однозначного включения согласия потерпевшего в состав обстоятельств, исключающих преступность деяния, и, кроме того, указал на наличие стойкой взаимосвязи между согласием потерпевшего и основаниями к освобождению от уголовной ответственности (и так уже во многом зависящими от действий потерпевшего), на что ранее было указано в настоящей работе.

М.В. Панов указывает на необходимость включения такой же нормы в отношении преступления, предусмотренного статьей 121 УК РФ – заражение венерической болезнью³¹. Однозначно выражу несогласие с автором по поводу этого вопроса, его позиция представляется основанной на чрезмерно широком толковании предела распоряжения потерпевшим собственным здоровьем. Обратим внимание на состав преступления, предусмотренного частью первой статьи 122 УК РФ – заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Схожий состав в статье 121 УК РФ мы не наблюдаем, между тем, на мой взгляд, это и имеет решающее значение в исключительности

---

²⁸ См.: Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 12

²⁹ См.: Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976, с. 69

³⁰ См.: Дагель П.С. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // СЮ. 1972. №3, с.25-27.

³¹ Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 12

применения принципа согласия потерпевшего к статье 122. Преступление, предусмотренное частью первой статьи 122 УК РФ, будет признаваться оконченным с момента поставления лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией вне зависимости от фактически наступивших последствий (состав реальной опасности).

ВИЧ-инфекция в основном распространяется в ходе полового контакта, ведь иные пути ее передачи должны включать смешение крови ВИЧ-положительного человека с собственной кровью потерпевшего, что, конечно, несравненно более редкое явление. Своевременное обращение за медицинской помощью в целях лечения ВИЧ-инфекции в настоящее время позволяет существенно продлить жизнь пациента, а часто даже нейтрализовать дальнейшее развитие заболевания. В таких условиях обеспечивается достойный уровень жизни ВИЧ-инфицированных, которые успешно создают семьи и имеют детей с партнерами, которых своевременно предупреждают о наличии у них ВИЧ-инфекции. При этом в отсутствие специального основания к признанию их действий правомерными, при совершении незащищенного полового сношения со здоровым человеком, они бы подлежали уголовной ответственности по части первой статьи 122 УК РФ вне зависимости от наступления последствий в виде заражения партнера. Такую ситуацию однозначно следует признавать противоречащей интересам общества.

Между тем состав преступления в статье 121 УК РФ по конструкции объективной стороны сформирован как материальный, его объективная сторона обязательно включает в себя общественно-опасные последствия – вред здоровью в форме заражения венерической болезнью. Лицо, знающее о наличии у него заболевания, и лишь поставившее другого в опасность при наличии согласия, в целом, тоже могло бы освобождаться от уголовной ответственности, но, на мой взгляд, лицо уже заразившее другого венерическим заболеванием должно подлежать уголовной ответственности вне зависимости от какого-либо поведения (согласия) потерпевшего.

Еще более консервативно этот вопрос рассматривался в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о заражении венерической болезнью» от 8 октября 1973 г. № 15: «Согласие потерпевшего не является основанием для освобождения от уголовной ответственности лица, знавшего о наличии у него венерического заболевания и поставившего в опасность заражения или заразившего его венерической болезнью»³². Отсылка в советском и российском праве на обязательное понимание лицом наличия у него венерического заболевания позволяет признавать, что такое преступление совершается как умышленно, так и в форме преступного легкомыслия, и даже при отсутствии желания заразить партнера, сознательное допущение, безразличное отношение (косвенный умысел), или самонадеянное отношение к предотвращению такой возможности (легкомыслие), все еще указывают на серьезный уровень общественной опасности рассматриваемого преступления.

Примечание к статье 122 УК РФ является единственным прямо закрепленным в законе примером заведомого согласия потерпевшего на причинение вреда здоровью, имеющего уголовно-правовое значение на квалификацию деяния. Обоснованность его исключительного введения для целей указанной статьи не вызывает сомнений.

З.Б. Соктоев отмечает, что, кроме этого, согласие потерпевшего может иметь и другое влияние на уголовно-правовую оценку деяния, выделяет три *вида согласий потерпевшего* - как конструктивный признак состава преступления, как обстоятельство, смягчающее ответственность, и как обстоятельство, исключающее преступность деяния³³. Начнем с конца.

Рассуждая отвлеченно от конкретного преступления о том, сколь значительна роль согласия потерпевшего, что, по мнению авторов, стоит даже включать его в обстоятельства, исключающие преступность деяния, для всех

---

³² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 08 октября 1973г. № 15 «О судебной практике по делам о заражении венерической болезнью» // СПС «КонсультантПлюс»

³³ Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №12 (52), с. 128

преступлений, мы забываем о следующем. Преступлением все еще причиняется серьезный вред объекту уголовно-правовой охраны, и от наличия согласия потерпевшего такой вред меньшим не становится. И поскольку речь в настоящей работе идет о преступлениях против здоровья, объект тут имеет некоторые свойства, не характерные для других преступлений. Часто можно заметить присвоение здоровью как *блага* такого признака как «*неотъемлимое*», то есть такое, которое нельзя отнять. В преамбуле к Уставу Всемирной организации здравоохранения закреплено, что обладание «наивысшим достижимым уровнем здоровья» является одним из основных прав всякого человека³⁴. В отличие от имущественных благ, на которые посягают преступления против собственности, или конституционных прав, которые защищает глава 19 УК РФ, здоровье как объект охраны закона имеет важнейший признак – *невосполнимость*. Однажды став потерпевшим в преступлении, повлекшем причинение тяжкого, или даже средней тяжести вреда здоровью, человек рискует уже не вернуться к ранее привычному укладу жизни – он навсегда теряет часть своего здоровья. Такое невозполнимое благо, безусловно, должно оставаться под защитой закона.

В связи с этим не оставим без внимания другую занимательную норму, наглядно показывающую что законодатель действительно учитывает различия объектов, на которые посягает преступление, в разделении видов уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ, к уголовным делам частного-публичного обвинения относятся многие экономические преступления и преступления против собственности, если они совершены, в том числе, *членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией*. Включаемый туда состав, к примеру, растраты в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ), несомненно, обладает высокой степенью общественной опасности, совершение такого преступления влечет для виновного лишение свободы как единственное предусмотренное

---

³⁴ «Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)» (Принят в Нью-Йорке 22.07.1946) (с изм. от 24.05.1973) // СПС «КонсультантПлюс»

статьей наказание (конечно, если суд не посчитает возможным применить статью 64 УК РФ). Тем не менее, расследование такого преступления, совершенного указанного выше субъектом (членом органа управления) не начнется, пока об этом преступлении не поступит заявление потерпевшего – например, коммерческой организации. Такой же принцип закрепляется уголовно-процессуальным законом и в отношении всей главы 23 УК РФ (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях), когда преступление не повлекло вреда интересам государства или других граждан/организаций³⁵. Так законодатель поддерживает частное право потерпевшего на исключительное инициирование уголовно-правового преследования по преступлению, в отношении которого он имеет высокий уровень «свободы распоряжения своим благом». Согласимся, что в отличие от здоровья, имущественные потери обладают признаком восполнимости, и в сравнении со здоровьем как объектом охраны закона, имеют существенное, но все же, гораздо меньшее значение. В той же части третьей статьи 20 УПК РФ, однако, специально предусмотрено, что эти экономические преступления и преступления против собственности переходят в публичный порядок, если имущественный вред причинен государству. И это логично, ведь государство становится своеобразным «потерпевшим» в экономическом преступлении против интересов, например, государственной корпорации, и уже к государству переходит право на инициирование преследования виновного.

Таким образом, мы видим, что закон в достаточной мере готов учитывать частные интересы потерпевших там, где это действительно необходимо исходя из природы преступления. Тем не менее, законодатель даже в специальной норме о согласии на поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией предусматривает лишь освобождение от уголовной ответственности, но вместе с тем показывает, что понимает – некоторые преступления против здоровья обладают сравнительно низким уровнем опасности, по ним возможен

---

³⁵ Статья 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

существенный учет мнения потерпевшего через институт дел частного обвинения. В таких условиях включение согласия потерпевшего как общего обстоятельства, исключающего преступность деяния, в главу 8 УК РФ представляется маловероятным.

Упомянем и о смежной функции согласия потерпевшего как конструктивного признака состава преступления³⁶. Некоторые преступления в силу своей природы признают необходимым наличие или отсутствия согласия для квалификации деяния как преступного. При этом ключевым отличием в этой ситуации будет именно функция влияния согласия на формирование состава – его дальнейшее наличие или отсутствие, а также на отграничение смежных составов. Наглядным примером отграничения смежных составов по критерию согласия потерпевшего является отграничение изнасилования несовершеннолетней (п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ) от полового сношения с потерпевшей, не достигшей шестнадцати лет (ст. 134 УК РФ). Такое наличие заведомого согласия потерпевшей на совершение полового сношения для целей формирования состава статьи 134 УК РФ предполагается.

Показательным его влияние становится, когда речь заходит о потерпевшей, не достигшей возраста двенадцати лет. С.В. Расторопов обозначает *дееспособность лица, дающего согласие*, как один из обязательных признаков даваемого согласия³⁷, к нему же отсылает и М.В. Панов в определении самого понятия согласия потерпевшего: «волеизъявление дееспособного потерпевшего»³⁸. Следует согласиться с С.В. Растороповым, который в дальнейшем разделяет дееспособность на две составляющие – *вменяемость* и *достижение определенного возраста*³⁹. И если с критерием вменяемости следует определяться исходя из конкретной ситуации, оценивая личность потерпевшего, то вопрос о конкретном возрасте находит различные

---

³⁶ Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Указ соч.

³⁷ См.: Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91), с. 84

³⁸ Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 11

³⁹ Расторопов С.В. Указ соч. с. 84.

толкования у правоведов. Сам автор отсылает к дееспособности в ее гражданско-правовом понимании⁴⁰ и использует критерии Гражданского кодекса Российской Федерации⁴¹. Между тем мы видим, как такой подход не совпадает с взглядом законодателя на дееспособность согласия потерпевшего в добровольном половом сношении. Исходя из составов в частях 2 и 3 статьи 134 УК РФ, можно констатировать, что согласие потерпевшего в статье 134 начинает иметь уголовно-правовое значение и отграничивать половое сношение от изнасилования с достижения возраста 12 лет. Исходя из этого, сделаем вывод, что комплексное рассмотрение вопроса о возрасте дееспособности согласия не принесет за собой успеха, скорее его стоит определять для конкретного преступления, принимая во внимание охраняемый объект и природу правонарушения. Схожее отграничение составов по наличию или отсутствия согласия потерпевшего отмечает Е.К. Газданова и между статьями 111 и 123 УК РФ: «Согласие женщины на производство ей аборта лицом, не имеющим медицинского образования соответствующего профиля, должно признаваться конструктивным признаком такого деяния (123 УК РФ)»⁴².

Влияние согласия потерпевшего, в частности его отсутствия на формирование состава преступления прослеживается в статьях 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), 147 (нарушение изобретательских и патентных прав), части второй статьи 183 УК РФ (незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Эти преступления объединяет наличие у потерпевшего определенного права (на неприкосновенность частной жизни, на единоличное использование результата интеллектуальной деятельности), посягательство на которое возможно только с его согласия.

---

⁴⁰ См.: Расторопов С.В. Там же.

⁴¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

⁴² Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 16-17

Тем не менее, следует заметить, что вопрос применения согласия потерпевшего в рамках его функции признака состава преступления не вызывает особых практических проблем. Рассматриваемая проблема применения такого согласия как основания к исключению преступности деяния и освобождению от уголовной ответственности отнесена не к вопросу о формировании состава преступления, а к определению ситуаций, при которых согласие потерпевшего могло бы стать основанием к признанию деяния против здоровья человека непреступным – не имеющим в себе состава преступления как такового. В связи с этим, не отрицая существенность рассмотренного влияния согласия потерпевшего на состав преступления, не станем останавливаться на этой функции подробно, т.к. она не имеет отношения к рассматриваемой проблеме.

Вопрос о включении согласия потерпевшего в обстоятельства, смягчающие наказание представляется, напротив, не таким значительным, как предыдущие. Во-первых, это связано со сравнительно меньшей значимостью такого обстоятельства для квалификации деяния, нежели освобождения от уголовной ответственности в целом, ведь оно имеет значение лишь для назначения виновному справедливого наказания. Во-вторых, удачно примененная законодателем норма об открытом перечне смягчающих наказание обстоятельств (ч. 2 ст. 61 УК РФ) не препятствует суду самостоятельно признавать согласие потерпевшего смягчающим обстоятельством. Широта круга смягчающих обстоятельств, прямо не закрепленных в законе, которые Верховный суд в пункте 28 своего Постановления Пленума от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁴³ разрешает самостоятельно применять судам (состояние здоровья обвиняемого, наличие гос.наград, наличие несовершеннолетних детей или иждивенцев и др.) позволяет без сомнений признать, что в такие обстоятельства можно включать

---

⁴³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс»

и согласие потерпевшего. О возможности такого применения согласия потерпевшего в рамках ч. 2 ст. 61 УК РФ говорит и С.В. Расторопов⁴⁴.

Несмотря на то, что автором настоящей работы последовательно отстаивается позиция о необоснованности применения института согласия потерпевшего в преступлениях против здоровья для целей освобождения лица от ответственности (за исключением прямо предусмотренных случаев – ст. 122 УК), будет неправильным не учитывать, что случаи причинения вреда здоровью с согласия потерпевшего несут в себе существенно меньший уровень общественной опасности, демонстрируют формирование менее вредоносного умысла у виновного лица, нежели схожие преступления без заведомого согласия. На необходимость учета этого обстоятельства как смягчающего наказание исследователи ссылаются единогласно, при этом М.В. Панов⁴⁵, Е.К. Газданова⁴⁶, З.Б. Соктоев⁴⁷ обоснованно предлагают дополнить часть первую статьи 61 УК РФ подобной нормой о согласии потерпевшего. Исходя из этого, следует однозначно поддержать практику учета наличия согласия потерпевшего как обстоятельства, смягчающего наказание в преступлениях против здоровья.

---

⁴⁴ Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91), с. 86

⁴⁵ Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 13

⁴⁶ Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011, с. 13

⁴⁷ Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №12 (52), с. 128

Глава 2. Влияние согласия потерпевшего в практике квалификации преступлений против здоровья

Обсудив на примере преступлений против здоровья теоретические причины, по которым до сих пор институт согласия потерпевшего не находит отражения в уголовном законодательстве России, следует перейти к рассмотрению некоторых практических ситуаций, которые исследователи приводят в поддержку «согласия потерпевшего».

Следует изначально тезисно выделить комплексную позицию автора настоящей работы по этим ситуациям:

1. Крайняя необходимость и обоснованный риск в преступлениях против здоровья, совершаемых с согласием потерпевшего, уже сейчас полностью удовлетворяют все ситуации, которые реально заслуживают непривлечения виновного лица к уголовной ответственности.

2. Преступления против здоровья с согласием, не попадающие под действие крайней необходимости или обоснованного риска, причиняют вред здоровью потерпевших, который нельзя признать социально полезным или социально допустимым. Недопущение причинения такого вреда потерпевшему является задачей государства в рамках достижения цели охраны здоровья граждан, в соответствии со ст. 41 Конституции Российской Федерации⁴⁸.

3. Следует отграничивать от преступлений по признаку общественной опасности теоретические ситуации (особенно в сфере медицинской деятельности), которые на самом деле не причиняют вреда объектам уголовно-правовой охраны. Правовое регулирование недопущения таких ситуаций не должно осуществляться с позиций уголовного права.

Обоснованно можно признать, что чаще всего мы видим спорное влияние согласия потерпевшего в медицинской деятельности и в спорте.

---

⁴⁸ «Конституция Российской Федерации» от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс»

Так З.Б. Соктоев и Т.Ю. Орешкина отсылают к правовому регулированию трансплантологии и ее связи с причинением вреда здоровью донора⁴⁹, который обоснованно возникает с его согласия на проведение медицинских манипуляций. Между тем, З.Б. Соктоев делает справедливое замечание: «эта ситуация с указанием на определенные требования регламентирована Законом Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. №4180-1 «О трансплантации органов и(или) тканей человека», поэтому при соблюдении всех положений данного Закона действия по изъятию у живого донора органов (тканей) и их пересадке другому человеку являются правомерными и в настоящее время»⁵⁰. Обратим внимание на указанный закон и найдем подтверждение такому выводу.

Статья 1 Закона РФ № 4180-1 сразу начинается со следующего положения: «Трансплантация органов и (или) тканей от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья⁵¹». Требования к изъятию органов и тканей у живого донора указаны в статье 11 – во-первых, донор должен свободно, сознательно, и в письменной форме выразить свое согласие на операцию. А что самое главное, такая трансплантация от живого человека может осуществляться лишь в отсутствие пригодных для трансплантации органов и (или) тканей трупа или альтернативного метода лечения.

Не сталкиваемся ли мы с наглядным примером причинения вреда в состоянии крайней необходимости? Ведь формулировка закона о трансплантологии почти повторяет статью 39 УК РФ в части недоступности иных средств устранения опасности, да и совершенно очевидно, что самой целью трансплантологии не может быть причинение равного или большего

---

⁴⁹ Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №12 (52), с. 125

⁵⁰ Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Там же

⁵¹ Статья 1 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 23.06.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс»

вреда живому донору (критерий превышения предела крайней необходимости), чем тот, что был предотвращен у реципиента. При этом, конечно, не следует недооценивать важность добровольного согласия донора и профессиональной компетенции медицинских работников, которые принимают соответствующее решение, ведь в ситуациях отсутствия предварительного согласия следует уже рассматривать вопрос – не идет ли речь о наличии состава преступления, предусмотренного статьей 120 УК РФ (принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации). Не будем забывать и тот факт, что смерть как тяжкое последствие в связи с незаконной операцией по изъятию органов и тканей человека влечет для виновных ответственность по специально предусмотренному пункту «м» части второй статьи 105 УК РФ. Обоснованно приходим к выводу, что институт согласия потерпевшего здесь не имеет особого значения для признания действий правомерными.

Намного более любопытным представляется пример, приводимый З.Б. Соктоевым далее и связанный с, так называемым, «синдромом нарушения целостности восприятия собственного тела»⁵². Речь идет о случаях, когда пациент обращается в медицинскую организацию с требованием ампутировать здоровую часть собственного тела, которую он сам признает чужеродной и требующей удаления. По итогу такого медицинского вмешательства здоровью может быть причинен вред при наличии не просто согласия, а еще и направленного желания потерпевшего. И хотя З.Б. Соктоев, конечно, не предлагает признавать мнение потерпевшего как влияющее обстоятельство в уголовно-правовом смысле, все равно стоит понять, почему оно тут действительно не должно иметь значения.

Во-первых, следует вспомнить, что задачей уголовного права, в соответствии со статьей 2 УК РФ, является *охрана прав и свобод человека и гражданина*. Вряд ли можно оспорить, что уголовное право как отрасль появилось и до сих пор работает именно в целях защиты важнейших интересов общества, и отдельного человека, как его части. А имеем ли мы в такой

---

⁵² Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Указ соч. с. 125

ситуации нарушение прав, свобод, интересов потерпевшего? Ведь после такой ампутации, по субъективной оценке самого потерпевшего, его состояние здоровья не ухудшается, а, вероятно, даже и улучшается. Стоит лишь спросить такого «потерпевшего» – понес ли он вред в результате проведенных операций, и вероятнее всего, он очень уверенно и громко выскажет исключительно слова *благодарности*. Тем не менее, конечно не стоит рассматривать эту теоретическую ситуацию всерьез, как реальную, и однозначно говорить об отсутствии состава преступления.

Совершенно очевидно, что правовое регулирование такой ситуации должно относиться к законодательству в сфере медицинской деятельности, которое первично должно просто не позволить врачам такие манипуляции, признать их неправомерными в силу отсутствия *медицинской необходимости*. И уже в условиях прямого законодательного запрета на такую деятельность мы реально будем иметь необходимость рассматривать эту ситуацию в плоскости уголовно-правовой квалификации причинения вреда. Следует отметить, что здесь и само по себе согласие потерпевшего особой роли не играет – не вызывает вопросов, что случаи проведения таких операций без согласия потерпевшего влекут ответственность на общих основаниях в зависимости от наступивших последствий. Скорее мы задаемся вопросом о наличии в таком деянии (добровольной ампутации) самого признака общественной опасности, возможности причинения вреда объекту, требующему для себя уголовно-правовой охраны. Ответ на этот вопрос во многом зависит от отношения каждого человека (и, следовательно, законодателя тоже) к признанию таких операций допустимыми или недопустимыми с точки зрения социума.

Схожим вопросам уголовного права и причинения вреда в медицинской деятельности было посвящено объемное исследование Н.Е. Крыловой: «Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий»⁵³. Затрагивая в главе второй своей

---

⁵³ См.: Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: дисс. д-ра юр. наук. – М.: 2006.

диссертации проблемные вопросы трансплантологии с позиции уголовного права, она также отсылает к важности причинения меньшего вреда донору, по сравнению с реципиентом⁵⁴ и абсолютно обоснованно подчеркивает: «Согласие донора на причинение серьезного вреда его здоровью и даже требование с его стороны об изъятии органа, что вполне вероятно с учетом родственных отношений между реципиентом и донором, не меняет правовой оценки действий врачей, идущих навстречу просьбам и требованиям лиц, изъявившим желание стать донорами⁵⁵». Мы видим, как исследуемый институт согласия потерпевшего в преступлениях против здоровья становится настоящим «мостом», соединяющим две разные научные сферы - уголовное право и биоэтику. Следует отметить, как Н.Е. Крылова таким же образом четко ограничила *предел распоряжения собственным здоровьем* у потерпевшего, не позволяя причинять донору необоснованный вред, и в дальнейшем, по ходу текста, отсылая к значимости института крайней необходимости в регулировании такой ситуации.

Ситуации причинения вреда здоровью *в спортивной деятельности* сравнительно более неоднозначны. Как вид активной физической деятельности человека, занятия спортом, а особенно его травматическими видами, несут вполне значительные риски здоровью. Правоведы по-разному относились к квалификации вреда в результате участия в спортивном соревновании. Так П.А. Дубовец указывал, что уголовная ответственность может наступать, «когда при дозволенных спортивных состязаниях, спортсменом умышленно или по неосторожности нарушаются спортивные правила, в результате чего причиняется вред здоровью другого лица»⁵⁶. А.Н. Красиков в монографии о согласии потерпевшего посвятил главу IV вопросу причинения вреда при занятиях спортом, пределам его правомерности, и отмечал, что причинение

---

⁵⁴ Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: Автореферат... дисс. д-ра юр. наук. – М.: 2006, с. 31

⁵⁵ Крылова Н.Е. Указ соч., с. 31

⁵⁶ Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М.: Юрид.лит., 1964, с. 19

вреда здоровью при неосторожном нарушении спортивных правил не должно влечь уголовную ответственность «в связи с учетом специфического динамизма в спорте»⁵⁷. И все же, наиболее точной представляется позиция А.А. Пионтковского: «Если причинение телесных повреждений не было связано с преднамеренным нарушением существующих правил, а явилось результатом определенного риска, с которым связано существующее спортивное состязание, и поскольку такие спортивные состязания разрешены законом, а спортсмен добровольно, по собственному согласию принимает в них участие, то причиненное при этом телесное повреждение не может быть признано противоправным»⁵⁸.

Изначально следует отметить – без сомнения, вопрос об отсутствии состава преступления или освобождении от уголовной ответственности не должен подниматься в случаях, когда спортсмен по злому умыслу, не находясь в рамках спортивного поведения, причиняет вред другому человеку. Согласие потерпевшего в таком случае вообще не может формироваться. А.Н. Игнатов справедливо отмечал: «Было бы неправильным признавать только спортивным нарушением умышленное причинение вреда сопернику, не связанное с ведением игры, со спортивной борьбой. Если правила были нарушены, имеет место спортивное нарушение. Но когда один хоккеист бьет другого клюшкой по голове или устраивает драку и причиняет травму – это противоправное деяние и должно квалифицироваться в зависимости от обстоятельств как соответствующее преступление против личности»⁵⁹.

Случаи же причинения вреда в рамках самого спортивного соревнования требуют более конкретного и детального разбора, а что самое важное – с персональным подходом к рассматриваемому виду спорта и правилам в нем.

---

⁵⁷ См.: Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. – С: Издательство Саратовского университета, 1976, с. 118-119.

⁵⁸ Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления: в 6 т. Часть особенная. Т.5 / Кригер Г.Л., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С. М.: Наука, 1971, с. 85.

⁵⁹ Игнатов А.Н. Спорт и уголовная ответственность // Советская юстиция. 1989, №7

А.А. Пионтковский точно отсылает к *рисковому характеру* спортивной деятельности. Принимая участие в спортивном мероприятии, человек принимает на себя определенный риск, который в основном зависит от характера избранного вида спорта. Согласимся, что травматичность разных состязаний в сравнении, например, лыжной гонки и бокса, исходя из случаев именно причинения вреда другому участнику, очень различается. Участвуя в боксерском поединке, спортсмен должен понимать, что даже соблюдение соперником всех установленных правил и внимательность рефери не гарантируют ему последующий уход с ринга в прежнем состоянии здоровья. Учет степени риска, который должен был осознаваться потерпевшим до начала участия в спортивном мероприятии, имеет существенное значение для дальнейшей оценки ситуации с причинением вреда его здоровью. Однако находится ли это понятие риска во взаимосвязи с обоснованным риском, как обстоятельством, исключающим преступность деяния? С.В. Расторопов отмечает, что причинение вреда здоровью в подобных ситуациях «сопоставимо»⁶⁰ с понятием обоснованного риска в его понимании статьи 41 УК РФ. И с ним стоит согласиться, не прибегая в этой части закона к его буквальному толкованию.

Не менее значительным является и вопрос о соблюдении установленных спортивных правил, направленных на недопущение причинения вреда. Следует разрешать вопрос – действовал ли причинитель вреда в рамках достижения цели спортивного состязания и с учетом известных ему правил? При этом не следует «автоматически» признавать любое причинение вреда, совершенное по спортивным правилам, правомерным в уголовно-правовом аспекте. Когда речь идет о причинении вреда по неосторожности ввиду нарушения спортивных правил или даже в рамках таких правил, следует в первую очередь рассматривать вину спортсмена исходя из критериев легкомыслия и небрежности, законодательно установленных в статье 26 УК РФ.

---

⁶⁰ Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91), с. 85

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что практическое применение института согласия потерпевшего как потенциального обстоятельства, исключающего преступность деяния в преступлениях против здоровья должно рассматриваться с позиции трех существенных критериев:

1) Однозначное наличие в деянии состава преступления;

2) Невозможность применения крайней необходимости или обоснованного риска как законодательно закрепленных обстоятельств, исключающих преступность деяния;

3) Преступление не должно расследоваться в порядке частного или частно-публичного обвинения, иначе вопрос согласия потерпевшего перестает иметь значение, т.к. потерпевший в таких случаях не инициирует уголовное преследование.

В случаях, когда согласие потерпевшего не закреплено прямо в законе как специальное обстоятельство к признанию деяния непроступным (ст. 122 УК РФ), наличие всех трех таких критериев одновременно может свидетельствовать о необходимости учета влияния согласия потерпевшего на квалификацию преступления против здоровья. С учетом также и права потерпевшего на примирение (по впервые совершенным преступлениям небольшой или средней тяжести – ст. 76 УК РФ), преступления против здоровья, которые могли бы отвечать таким критериям одновременно, обладают слишком высоким уровнем общественной опасности, чтобы позволять потерпевшему иметь ключевое влияние на привлечение виновного к уголовной ответственности.

Такая правовая природа института согласия потерпевшего успешно принята законодателем во внимание и отражается в действующем уголовном законе, при этом достигая достаточного уровня защиты частных интересов потерпевшего в преступлениях против здоровья.

Заключение

Можно без сомнения утверждать, что институт согласия потерпевшего, даже не будучи прямо закрепленным в Общей части УК РФ по примеру некоторых зарубежных стран (Германия, Португалия, Швеция, Италия), находится в тесной взаимосвязи с обстоятельствами, исключающими преступность деяния и основаниями к освобождению от уголовной ответственности, его соотношение с которыми является дискуссионным вопросом в отечественной науке уголовного права. Роль потерпевшего в уголовном преследовании не ограничивается лишь возможностью примирения, его влияние обоснованно имеет место во всей главе 11 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности), его действия существенно влияют на квалификацию отдельных преступлений, по которым согласие (или его отсутствие) становится конструктивным признаком состава преступления.

Согласие потерпевшего является одним из инструментов, которые законодатель отдает в распоряжение частных субъектов уголовного права, однако в то же время предпочитает не использовать напрямую именно согласие из перечня этих средств, справедливо прибегая к его использованию лишь в отдельных, стоящих того случаях (ст. 122 УК РФ). Преступления против здоровья, в отношении которых такое согласие имеет первостепенное значение, часто становятся слишком опасными для потерпевшего и уголовный закон справедливо не дает полной свободы распоряжения в его руки.

При этом, значение согласия как обстоятельства, смягчающего наказание, на практике имеет серьезное значение даже без законодательного закрепления, в силу части 2 статьи 61 УК РФ. Суды, при рассмотрении дел об убийствах из мотива сострадания, которые в настоящий момент, к сожалению, часто подлежат квалификации по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ (заведомо в беспомощном состоянии), учитывают добровольное желание потерпевшего уйти из жизни (часто – в силу болезни), и вместе с таким обстоятельством признают совокупность смягчающих достаточной для применения статьи 64

УК РФ. Таким образом суд осуществляет индивидуализацию наказания виновному в соответствии с критерием общественной опасности деяния, учитывая волю потерпевшего даже в отсутствии прямо закрепленных соответствующих законодательных средств, и эту практику, конечно, следует приветствовать. Законодательное закрепление заведомого согласия потерпевшего как обязательного смягчающего обстоятельства в части 1 статьи 61 УК РФ находит единогласную поддержку у правоведов, и, безусловно, будет в подобных ситуациях способствовать более справедливому назначению наказания.

Вместе с этим в настоящее время дальнейшее продвижение института согласия потерпевшего за пределы специальных оснований (ст. 122 УК) или смягчающих обстоятельств представляется маловероятным.

Список использованных источников**Нормативные правовые акты:**

1. «Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)» (Принят в Нью-Йорке 22.07.1946) (с изм. от 24.05.1973) // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Конституция Российской Федерации» от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. №51-ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020). // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020). // СПС «КонсультантПлюс».
6. Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 23.06.2016 г.). // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 18.01.2012). // СПС «КонсультантПлюс».

Судебная практика:

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 08 октября 1973 г. № 15 «О судебной практике по делам о заражении венерической болезнью» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

Научная литература:

1. Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем – Москва.: Издательство Волтерс Клувер, 2006.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва.: 1939.
3. Дагель П.С. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // СЮ. 1972. №3.
4. Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М.: Юрид.лит., 1964.
5. Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011.
6. Игнатов А.Н. Спорт и уголовная ответственность // Советская юстиция. 1989, №7.
7. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
8. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: Автореферат... дисс. д-ра юр. наук. – М.: 2006.

9. Ленчина Н.А. Обстоятельства, устраняющие противоправность деяния, в немецком уголовном праве: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2010.
10. Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Автореф... дисс. канд. юр наук. – М.: 2011.
11. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления: в 6 т. Часть особенная. Т.5 / Кригер Г.Л., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С. М.: Наука, 1971.
12. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. Москва.: Юридическая литература, 1961.
13. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. – Москва.: Юрлитинформ, 2008.
14. Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. №4 (91).
15. Сидоренко Э.Л. Презумпция согласия потерпевшего в уголовном праве // Юридическая техника. 2010. №4.
16. Сидоренко Э.Л. Частные начала в уголовном праве / Э.Л.Сидоренко, М.А.Карabut. – М: Юридический центр Пресс, 2007.
17. Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №12 (52).